Митрополит Иларион: Живая связь между Патриархом и паствой помогает развивать и укреплять нашу Церковь

4 февраля 2017 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на телеканале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте, это программа «Церковь и мир». Мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом об актуальных событиях в России и в мире. Владыка, здравствуйте!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: В январе на официальном сайте Русской Православной Церкви появился проект документа – список профессий, которые, по мнению Церкви, несовместимы со священством. Среди них – спортсмены, певцы, госслужащие, врачи. С одной стороны, опасения Церкви понятны: если пациент, которого оперирует священник-хирург, вдруг скончается на операционном столе, то получится, что он умер от рук священника.

С другой стороны, есть столько примеров служения священника людям мирскими профессиями, достаточно вспомнить всем известного Луку Войно-Ясенецкого - святителя-хирурга, лауреата Сталинской премии. Из современных примеров – отец Фотий, который, как некоторые утверждают, по благословению самого Патриарха Кирилла пошел на проект «Голос». Поясните, кому можно, а кому нельзя? И Вы согласны с этим списком профессий?

Митрополит Иларион: С этим списком профессий я согласен лишь отчасти, ибо этот документ вызвал у меня большие вопросы и я готовлю на него собственный отзыв. Вы правильно сказали, что это только проект документа. Ему еще предстоит большой путь, как минимум в два-три года, прежде чем он будет принят сначала Межсоборным присутствием, затем – Архиерейским Собором. Поэтому у нас есть возможность и уточнить формулировки, и их изменить.

Действительно, существует такая коллизия, связанная с тем, что священство требует от человека, принявшего сан, полной отдачи всех сил Богу и Церкви. Почему священник не может быть

госслужащим? Потому что к госслужащим государство предъявляет определенные требования, которые не всегда могут быть совместимы с теми условиями, которые ставит перед священником Церковь. Госслужащий должен быть занят на государственной службе, а что если он, будучи священником, скажет, что у него сегодня Литургия или его вызвали причащать? Что же это за госслужащий? Помимо прочего, Церковь не участвует в политической борьбе и поэтому священник не может быть, допустим, членом политической партии.

Конечно, у священников много ограничений. Но вопрос о том, может ли священник быть врачом, очень непростой. Вы привели пример святого, которого сейчас знает и почитает весь мир. Всю жизнь он совмещал архиерейское служение с работой практикующего хирурга. В документе сказано, что это было допустимо, потому что тогда время было сложное. Но, простите, если мы канонизировали человека как пример для подражания, то мы не можем ссылаться на время. Значит, в принципе, такие совмещения возможны. Другое дело, что они неизбежно порождают те коллизии, о которых Вы сказали. И в то же время священник, который имеет профессию врача, не может отказаться от каких-то врачебных обязанностей, даже если он уже не практикующий врач. Например, он летит в самолете и кому-то из пассажиров становится плохо, и пилот спрашивает, есть ли среди присутствующих врач. И священник даже по закону обязан, согласно Уголовному кодексу, обозначить себя как врача и оказать первую медицинскую помощь.

Вы упомянули иеромонаха Фотия. Не думаю, что он принял участие в конкурсе по благословению Патриарха, но у него было благословение своего правящего архиерея. Он прошел весь путь от начала до конца, завоевал первый приз, с чем его поздравил Патриарх. Что в этом плохого? Это ведь в своем роде миссионерская работа.

С одной стороны, священник должен заниматься своим делом и не отвлекаться на посторонние вещи, а с другой стороны, дополнительная профессия может давать священнику широкие возможности для миссионерской работы. Как найти здесь баланс? Кроме того, мы не должны забывать еще один важный момент: в отличие от России, Украины и Белоруссии, где большинство священников живут на средства, получаемые от прихода, в наших зарубежных приходах, допустим, в Австрии, Венгрии, где я служил, большинство священников работает на светской работе. Им это необходимо, чтобы содержать семью.

Е. Грачева: Возможно, здесь главным критерием должно быть то, связана ли деятельность того или иного священника с ростовщичеством? Ведь любые производные от этого Церковью не принимаются.

Митрополит Иларион: Безусловно, священник не должен заниматься ростовщичеством. Есть ряд профессий, которые напрямую с этим связаны, и они для священника неприемлемы.

Некоторые пункты данного проекта документа мне не совсем понятны. В них говорится, что есть деятельность, связанная с финансовыми и экономическими отношениями, которую священник не может осуществлять сам, но он может поручить другому лицу. И уже появились комментарии, что, мол, он будет поручать это своей жене, которая будет всем управлять.

Считаю, все эти формулировки тоже требуют весьма серьезного уточнения, и недостаточно просто обозначить в качестве примера некоторые профессии, несовместимые со священством. Либо мы должны взять полный перечень существующих профессий и галочками отметить что священнику можно и что нельзя, либо мы должны дать некие общие указания, а уже наши правящие архиереи смогут подсказать священнику что можно совмещать со священством, а что нельзя.

Е. Грачева: Еще одна народная тема, которая вызвала волну дискуссий в январе. Российский парламент принял закон о декриминализации насилия в семье. Можно, конечно, вспомнить слова из книги Екклесиаста: «Сокруши ребра в дни юности его, дабы он не сокрушил тебя в дни старости». Поясните, все же, как Церковь относится к применению физической силы к супруге, к детям?

Митрополит Иларион: Однозначного отношения нет. Даже в Священном Писании можно прочитать разные высказывания на эту тему. Но меняются времена, а с ними и методы воспитания. Сейчас нет причин, по которым следовало бы применять какие-либо меры физического воздействия на детей, даже если такие меры применялись в прошлом и, возможно, были оправданы.

Этот вопрос весьма непростой, ибо, к сожалению, домашнее насилие имеет место в некоторых семьях и есть случаи, когда детей надо защищать от произвола родителей. Особенно, если это касается таких неблагополучных семей, где пьющие родители или где один из родителей является хроническим алкоголиком, или где супруги находятся на грани развода. Но для детей изъятие из семьи всегда трагедия и шок, и для того чтобы на это пойти, должны быть веские основания. Поэтому вопрос, действительно, непростой. Церковь участвует и в этом обсуждении, и даже в решении конкретных проблем, связанных с детьми, которые либо пострадали от домашнего насилия, либо как это, к сожалению, случается, пострадали от органов опеки.

Е. Грачева: А если говорить о родных детях, когда службы опеки не имеют отношения к семье, там допустимо применение физической силы?

Митрополит Иларион: Я считаю, что применение физической силы недопустимо в принципе.

Меня, например, мама воспитывала без применения физической силы и вроде неплохо получилось. Я вообще не знаю детей из хороших православных семей, к которым бы применялось физическое насилие.

Конечно, существуют определенные меры воздействия на детей, меры наказания. В каждой семье это решается по-разному. Но насколько допустимо вмешательство внешних органов в жизнь семьи, это большой вопрос. Думаю, оно допустимо только в тех случаях, когда это насилие засвидетельствовано, когда оно очевидно, когда известно, что семья неблагополучная, причем не в материальном плане, а в нравственном, когда, например, у ребенка родители алкоголики.

Мы должны прежде всего на государственном уровне ответить на вопрос: нужны нам дети или нет? Чего мы хотим: чтобы у нас население увеличивалось или уменьшалось? Хотим ли мы, чтобы через одно или два поколения было кому защищать наши огромные границы? Если да, тогда давайте создавать условия для того, чтобы люди могли рожать детей, чтобы они могли усыновлять детей, чтобы не боялись, что если они усыновят детей, то потом, через восемь лет, придут люди из органов опеки и отнимут их. Для начала мы должны решить этот вопрос, а дальше уже действовать на всех уровнях.

Е. Грачева: Иными словами, Вы против декриминализации насилия в семье?

Митрополит Иларион: Я считаю, что за физическое насилие должно быть соответствующее наказание, должна быть ответственность. Но к этому вопросу нужно подходить, исходя из того глобального принципа, который я попытался сформулировать.

Е. Грачева: 1 февраля отмечалась восьмая годовщина интронизации Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Что бы Вы могли выделить за прошедшие восемь лет? Что удалось сделать?

Митрополит Иларион: За восемь лет удалось сделать очень многое. После смерти Патриарха Алексия II многие говорили: что еще можно сделать? Ведь все уже возродили, построили много храмов. Люди думали, что достигнув некоего критического максимума, все пойдет на спад.

Патриарх Кирилл, придя на эту высокую должность, дал Церкви второе дыхание. Во-первых, он инициировал масштабную реформу церковного управления. Все крупные епархии были поделены на несколько мелких, в результате чего появились новые центры духовного и миссионерского влияния, появились епископы - там, где их никогда не было. Стали строиться новые храмы. Церковное возрождение, которое в основном затрагивало крупные города и районные центры, теперь перемещается в глубинку, доходит до деревень и сел. Патриарх ведь не случайно очень много ездит по стране и посещает не только столицы. Он заходит в юрты к оленеводам, едет на

Крайний Север. С одной стороны, он хочет увидеть, как люди живут, а с другой стороны, люди должны увидеть Патриарха вживую, не только по телевизору. И это создает совершенно особую связь между Патриархом и огромным количеством людей.

Е. Грачева: Он даже был в Антарктиде.

Митрополит Иларион: Да, он был в Антарктиде, где живут наши полярники.

Конечно, налаживание работы органов церковного управления – огромное достижение этих восьми лет, ибо наши церковные министерства – Синодальные отделы – раньше работали достаточно обособленно, а иногда даже конкурировали между собой. Сейчас этого нет. Мы встречаемся регулярно. У нас есть Высший Церковный Совет. Мы слышим друг друга, кто над чем работает, кто чем озабочен, образно говоря, сверяем часы.

У нас есть очень много общих проектов. Например, реформа духовного образования. Эта тема Патриарху близка еще с тех времен, когда он сорок лет назад был молодым ректором Ленинградской духовной академии. Эта реформа у нас находилась в руках одного ведомства – Учебного комитета. Сейчас к ней подключен весь Высший Церковный Совет во главе с Патриархом. Мы обсуждаем планы занятий студентов, просматриваем записи экзаменов из духовных семинарий, как отвечает студент, какие вопросы задает преподаватель, то есть видим реальную картину. И в этой огромной работе мы все участвуем.

Сейчас мы начали подготовку учебников для духовных семинарий, ибо оказалось, что на сегодня у нас нет ни одного современного учебника, то есть нам предстоит написать около 60 новых учебников.

Много можно привести примеров из того, что сделано за эти годы. Я затронул лишь малую часть. Но живая связь между Патриархом и паствой – твердый стержень, который сегодня в значительной степени помогает развивать и укреплять нашу Церковь, и через это, конечно, укреплять единство нашего общества.

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир» ***vera.vesti.ru.***

Вопрос: Как Православная Церковь относится к толкованиям снов? С одной стороны, толкование снов не признается Церковью, но, с другой стороны, в Ветхом Завете есть конкретное упоминание

об этом. Как же все-таки к ним относиться?

Митрополит Иларион: Упоминание об откровениях в снах есть не только в Ветхом Завете, но и в Новом Завете. В частности, в Евангелии от Матфея имеется шесть таких упоминаний. Правда, в других Евангелиях таких упоминаний нет.

Иногда через сны Бог открывает человеку Свою волю. Но гораздо чаще это происходит наяву, а снится человеку, как правило, то, о чем он думает, чего он боится, за что переживает. Зачастую и вовсе снится нечто бессвязное, всякая «абракадабра».

Церковь всегда отрицательно относилась к толкованиям снов, ибо есть люди, которые на этом, как и на многом другом, зарабатывают деньги, пытаясь доказать, что они могут разгадывать сны. Даже публикуют сонники с различными толкованиями. Ко всему этому Церковь относится отрицательно. Думаю, если Бог захочет особым образом что-то открыть человеку во сне, тот обязательно это распознает. Но такое случается крайне редко и далеко не со всеми. Даже в Священном Писании встречаются лишь единичные случаи. Наши сны, как правило, отражают реальность нашей жизни. Поэтому к ним надо относиться очень спокойно и жить не тем, что случается во сне, а тем, что происходит наяву.

Вопрос: Перед крещением ребенка будущие крестные обязательно должны посетить несколько огласительных бесед. Правильно ли это? Ведь не все располагают временем, чтобы посещать такие занятия. Может быть, тем, кто готовится стать крестными, просто вручать брошюры с разъяснением их обязанностей?

Митрополит Иларион: Если у будущих крестных нет времени на посещение огласительных бесед, то у них не будет времени и для того, чтобы воспитывать крестного сына или крестную дочь.

Для чего на приходах проводятся огласительные беседы? Чтобы каждый человек, который берет на себя роль крестного отца или крестной матери, осознавал всю ответственность за христианское воспитание ребенка или взрослого, который будет крещен. Крестный – это не просто формальная обязанность. Церковь требует от крестного, чтобы он, во-первых, сам был воцерковлен, а во-вторых, чтобы имел достаточно времени, желания и усердия воспитывать в христианской вере того, чьим воспреемником, то есть крестным, он является. Поэтому нет ничего плохого в том, чтобы перед крещением посетить одно или два занятия.

Конечно, какая-то брошюра в некоторых, может быть, исключительных случаях и могла бы заменить такие беседы. Но, как правило, очень важно, чтобы была личная встреча со

священником, потому что священник благодаря такой беседе имеет возможность определить, годится ли человек на роль крестного или нет. Ведь случается, что человек хочет быть крестным, но при этом не знает даже Символ веры или не может наизусть прочесть «Отче наш», или не имеет представления о том, во что верует Православная Церковь. И такие занятия будущему крестному дают возможность пополнить багаж знаний, углубить свои знания о православной вере и более серьезно отнестись к своим дальнейшим обязанностям.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/48731/